КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 93/99(4/9)

Б. Н. КАРИПОВ

Возникнув как движение за сохранение существующего порядка, российский консерватизм обладал серьезным потенциалом для осуществления политики позитивных преобразований. Череда реформ и контрреформ, осуществлявшихся в российской истории, вынуждала консерваторов определять свое отношение к возможностям перемен и изменений. Поиск путей адаптации самодержавной власти к запросам динамично меняющейся страны «стал первоочередной задачей дальновидных консерваторов» [4, с. 161]. Отсюда вытекает необходимость ответа на вопрос, насколько основы консервативного мировоззрения в принципе могут быть связаны с реформистской политикой. Принципиальным положением консервативного сознания является опора на «жизнь», на конкретно-историческую действительность. Придерживаясь этого принципа, именно консерваторы первыми поставили проблему соотношения и взаимосвязи старого и нового. Государственная идея, основанная на самодержавии, была ключевым моментом консервативного мировоззрения в России. Консерваторы требовали от своих политических оппонентов, чтобы инициируемые ими перемены не нарушали преемственность исторического развития России. Призывы к разделению власти на законодательную, исполнительную, судебную они интерпретировали как раздельное исполнение функций единой царской власти. М. О. Меньшиков писал по этому поводу: «... Верховная власть должна почитаться не третьим только членом республиканской троицы, не «исполнительной» лишь дробью, а основной единицей, от которой должны идти непрерывные ступени власти» [6, с. 214]. Главную опасность Меньшиков М. О. видел в том, что «правящие классы потеряли свое родство с народом и насквозь переполнены чуждыми элементами» [7, с. 42].

По мнению Л. А. Тихомирова, именно бюрократия была виновна и несла ответственность за «деформацию» самодержавия и искажение воли монарха. К господству бюрократического слоя в России привел упадок нравственных и религиозных идеалов, служивших сдерживающими факторами. Бюрократия препятствует выдвижению способных людей, подменяет собой власть монарха и в определенном смысле разрушает сакральный ореол власти, извращая все полезные начинания. Славянофил Д. А. Хомяков считал, что изначально народ как бы делегировал свою власть монарху и царь брал на себя бремя царствования. Пока власть лишь направляла «живое тело» органически сложившегося живущего государства, она являлась выражением национального духа; но начиная с реформ Петра I появляются различные «средостения», т. е. определенные слои или сословия, которые «заменяют» в глазах монарха весь народ. Этими «средостениями», по его мнению, являлись сначала дворянство, затем бюрократия, которой жизненно важно было устранить дворянство от выполнения его прежней ведущей политической роли, а впоследствии интеллигенция. Об «историческом насилии» петровских преобразований писал идеолог неославянофильства – С. Ф. Шарапов, по мнению которого возрождение национальной мысли, «ослепленной Западом» в эпоху Петровской реформы, начали славянофилы [19, с. 3–4].

Критика бюрократического произвола появляются в трудах монархического теоретика К. Н. Пасхалова, который конкретизировал «лица» и центры российских бед. По его мнению, виновна «петербургская бюрократия, громоздящая ошибку на ошибке, не желающая сознаваться в ложности новых оснований государственного правления, сфантазированных графом Витте» [12, с. 225; 14]. Критике подвергалась и столица империи: «Петербург, очевидно, захлебывается в такой нравственной грязи и в таких чудовищных преступлениях против Родины, что достойно соперничает с Содомом, но, к сожалению, не разделяет его участи, а это единственный способ спасения для русского народа» [5, с. 46]. План по искоренению изъянов он представил в программной записке «Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения» [13]. Выходом из сложившейся ситуации К. Н. Пасхалову виделось восстановление решающего законодательного голоса за «историческим Самодержавием», подчинение ему других подобных учреждений – Государственной Думы и Государственного Совета,

причем за последними закреплялись исключительно совещательные полномочия. Верховная власть должна была опираться, как прежде, на мнение всего народа, а не только на мнение большинства. В выборе между народом и большинством она должна была руководствоваться собственными убеждениями о пользе народа и государства.

Консерватор-монархист не отвергал наличие законосовещательного органа, названного им «Государственным учреждением». В его состав должны были войти народные избранники «русских общественных светских и духовных учреждений». Депутаты в состав такого органа должны были избираться посредством прямых выборов из числа гласных уездных земских собраний. В законосовещательном органе ликвидировались фракции, председатель не избирался, а назначался самодержцем. Народные избранники наделялись К. Н. Пасхаловым полной свободой для выражения собственных мнений. Ограничением выступали законы, а также общественные приличия и те торжественные обещания, которые они давали в самом начале своего государственного служения. Все мнения народных избранников «с обстоятельною их мотивировкою» поступали на заключение Государственного совета и далее вместе с мнениями Государственного совета — на рассмотрение государю. Самодержцу представлялось как мнение меньшинства, так и мнение большинства, высказанное при обсуждении законопроектов. Но, даже получив всю информацию о различных мнениях по тому или иному вопросу, самодержец сохранял свободу воли. Пасхалов К. Н. приходит к выводу о том, что привлечение населения к законотворчеству поможет контролировать бюрократию. Поэтому, помимо прочной власти самодержца, предполагалось, что ни один закон не может поступить на рассмотрение к царю, минуя законосовещательное учреждение.

Свои предложения по борьбе с бюрократией сформулировал также известный публицист В. А. Грингмут. Он подчеркивал, что русские консерваторы борются против бюрократического «средостения, отделяющего царя от народа», поскольку именно «в Петербургской бюрократии» они видят «не только пагубное препятствие на пути народа к царю и царя к народу, но и искажение царского идеала в глазах народа». Бюрократическая машина могла поразить и республику, и монархию, однако у монарха имелось гораздо больше возможностей ей противостоять: «он одним росчерком пера» мог «выгнать негодного чиновника и заставить суд применять законы по всей их строгости к казнокрадам, чего не может сделать какой-нибудь президент республики, который выбирается только на три, на четыре года и никакой власти не имеет, а только подписывает подаваемые ему бумаги» [2, с. 391].

Что же касается народного представительства, составлявшего, вторую грань консервативных представлений о политических изменениях в России, то В. А. Грингмут был его противником. Согласно утверждению Л. А. Тихомирова, публицист ставил П. А. Столыпину «в непроницаемую вину, что он ограничился 3 июня лишь легким изменением выборного закона, а не поставил вопроса о полном упразднении Думы» [11, с. 9]. Консервативный идеолог выстраивал на таком критическом отношении к народному волеизъявлению свое понимание роли монархической власти в изменении политической атмосферы в стране. Монархическая форма правления, считал он, является наиболее рациональной формой организации власти.

В. А. Грингмут исходил из того, что каждое государство нуждается исключительно в двух элементах — верховной власти и народе, которые не могут существовать друг без друга, и третьего здесь не дано. Олицетворением верховной власти в стране выступал самодержец: «Ни выше Царя, ни рядом с Царем никакое лицо и никакое учреждение стоять не может. Вся Верховная Власть сосредоточивается в Его руках. Он — Верховный Правитель, Он — Верховный Законодатель, Он и Верховный Судья». Царь являлся и единственно возможным представителем народа: «Других народных "представителей" кроме Государя Императора в России быть не может, ибо никто кроме Него не может сочетать в себе всю совокупность всех государственных, сословных и классовых интересов Русского народа во всей преемственной связи настоящего, прошедшего и будущего России» [1, с. 67].

Отвергая либеральный принцип представительного правления, В. А. Грингмут на многочисленных примерах свидетельствовал о неподготовленности основной массы населения к участию в осуществлении государственных дел. Он полагал, что выборы народных представителей способствуют усилению политического конфликта и наносят колоссальный ущерб государству: «Там, где существуют политические выборы, там, по необходимости, возникают и политические партии; там, где существуют партии, всегда происходит партийная борьба из-за власти; а там, где существует эта борьба, интересы государства приносятся в жертву партиям» [1, с. 26]. В. А. Грингмут

заявлял о необходимости отстоять власть, которую вознамерились похитить у царя эти «политиканы»: «... Мы тем именно и отличаемся от всех этих Алексинских, Гучковых, Кизеветтеров и Абрамсонов, что мы хотим возвратить Государю ту Власть, которую они у Него похитили, или, вернее сказать, мы хотим сохранить за Царем ту Власть, которую они хотели у Него похитить» [2, с. 362].

Признавая необходимость обратной связи между субъектом и объектом управления, В. А. Грингмут полагал, что в этом качестве гораздо более полезными были бы специальные доклады чиновников, личные сношения монарха с населением и печать. Поскольку лиц, способных к государственной деятельности и разработке законопроектов, немного, следовательно, «вырабатывать и обсуждать законы должны действительно только лучшие люди государства: 1) лучшие опытные чины правительства; 2) лучшие специалисты из общественных классов (ученые и практики) и 3) лучшие государственные люди, призванные государем проверять законопроекты, выработанные в министерствах правительственными и частными специалистами...» [1, с. 73].

Помимо общетеоретических констатаций, В. А. Грингмут предлагал конкретные меры по приспособлению монархической власти к новым веяниям. Содействие царю в законодательной деятельности призваны были оказать члены законосовещательного Государственного совета. Министрам предстояло создать при своих ведомствах комитеты по выработке законопроектов, а администраторам территорий — специальные советы из числа самых авторитетных граждан. В. А. Грингмут стремился укрепить самодержавие за счет перераспределения некоторых функций внутри управленческой системы и ужесточения контроля над бюрократическим произволом. Фактически это означало продолжение курса на приспособление, а не реформирование монархизма в период обострения социально-политической ситуации в России.

Особую позицию по вопросу о практически-политических задачах властей предержащих занимал консервативный публицист В. П. Мещерский. Ссылаясь на моральную деградацию российской бюрократии, он отвергал либеральный тезис о том, что Россия должна стремиться к созданию политических институтов, аналогичных западным: «Россия одна в Европе требует своего пути к развитию и к будущему, и этот путь обратный европейскому пути: он требует строгих рамок для представительства и для правительства, ибо уже пахнет духовным растлением во всех высших слоях общества, и полной силы и полной свободы Верховной власти, ибо она одна осталось чистой и нетронутой ядом растления, и одна может, опираясь на чистых людей своего народа, быть защитой и опорой каждого русского...» [9, с. 15].

В устремлении политической элиты к компромиссам В. П. Мещерский видел симптом «морального растления», тогда как политическая умеренность ассоциировалась с моральной нечистоплотностью. «... Партия умеренно-правых по отношению к чести и нравственности политической партии правых все равно, что умеренно-честные люди по отношению к общей честности» [8, с. 14]. В. П. Мещерский заявлял, что Россия не нуждается ни в каких партиях, поскольку те лишь отдаляют народ от трона. Судя по всему, ему претили любые формы общественной самодеятельности, даже на местном уровне. Он считал, что для успешного решения локальных проблем требуется усиление административного начала. Можно указать на различия во взглядах на представительство у В. П. Мещерского и В. А. Грингмута: разногласия присутствовали у этих консервативных публицистов, несмотря на одинаковую приверженность фундаментальным устоям монархизма. Редактор «Гражданина» при всем своем критическом настрое все же допускал возможность существования в России представительных институтов и даже мог высказываться против их роспуска. Ход его рассуждений основывался на постулате: если верховная власть не решается ликвидировать Думу, то ее следовало реформировать. Предложение В. П. Мещерского состояло в том, чтобы Дума получила право высказывать свое мнение по поводу законопроектов и делать запросы министрам, а Государственный совет был возвращен в дореформенное состояние. Рассматривая вопросы законодательства, Совет никоим образом не должен быть связанным мнением Думы. В случае разногласий между Думой и Советом или внутри последнего императору представлялось бы мнение Думы, а также большинства и меньшинства Совета: «... Безопасность и порядок в России требуют, безусловно, чтобы за Государем, который <...> Самодержавцем остался, как бы, оставалось право утверждать мнение меньшинства в представительных учреждениях, если он признает оное более соответствующим нуждам своего народа» [10, с. 13].

Соглашаясь с В. А. Грингмутом в том, что лучше бы никаких представительных институтов вообще не было, В. П. Мещерский допускал, «на худой конец», возможность существования

законосовещательного представительства. К признанию такого органа его вынуждала политическая реальность, заставлявшая принимать необходимость законосовещательного представительства, хотя он и стремился избегать использования терминов «представительство» и «представительный». В. П. Мещерский подчеркивал негативные стороны деятельности подобных организаций и ограничивал свои практические советы поиском эффективных способов свести зло к минимуму.

Консерваторы–неославянофилы, наоборот, вполне позитивно относились к посреднической роли законосовещательного института между монархом и народом. А. Г. Щербатов видел идеальный образец такого рода учреждения в хорошо известном в истории России политическом институте, утверждая, что полное осуществление единения Царя с народом должно выразиться в учреждении Земского Собора [20, с. 35]. А. А. Киреев признавал, что «теперь без Думы управлять уже нельзя»: «не будет этой Думы, будет 4, 5, 6-я». По мысли А. А. Киреева, Дума должна была носить не законодательный, а законосовещательный характер. Только такой порядок соответствовал исторической традиции, «исконному самодержавно-совещательному строю». «... Думу настоящую, созданную на исконно русских началах, свободно и гласно контролирующую действия администрации, русский народ признает совершенно необходимым дополнением Самодержавия», – писал он императору в день роспуска II Думы [15, с. 141]. В этом случае можно было сохранить свободу воли самодержца и обеспечить искомую связь власти с народом. А. А. Киреев не отвергал «обновленный строй», но призывал консерваторов примириться с неизбежным. Он воспринимал компромиссы и подчеркивал их историческую необходимость для достижения общестратегических целевых установок.

Оригинальный проект представлен публицистом С. Ф. Шараповым. Исходным началом его построения являлся приоритет власти монарха. В новых исторических условиях незыблемость этого приоритета во многом должна была зависеть от того, насколько удавалось освободить главу государства от решения незначительных вопросов, которые вполне успешно могли решаться на местах. По мнению С. Ф. Шарапова, снижалась результативность управления, препятствуя взаимодействию власти и народа: «Самодержавие государя на глазах у всех обращается в самодержавие министра, последнее обращается в самодержавие директора, начальника отделения, столоначальника» [18, с. 9].

В проекте С. Ф. Шарапова не только постулировался принцип политического верховенства самодержавной власти, в нем четко фиксировались политико-правовые полномочия монарха в сфере внутренней и внешней политики. С. Ф. Шарапов предполагал нормативную регламентацию действий центральных и местных органов власти. Особо подчеркивалось, что главным критерием отбора представителей всех сословий в органы власти на местах и в центре окажутся не происхождение и заслуги, а неординарные способности и умения.

Еще более «радикальными» предложениями и реформаторским духом консервативного обновления политических институтов страны отличался проект П. Е. Казанского. Он считал, что император должен обладать всей полнотой власти, в том числе и законодательной, а представительные институты – играть роль органов, обеспечивающих «присутствие» народа при императорской власти [3, с. 27–28; 16, с. 6, 13]. Многие предложения консервативных идеологов были обусловлены трактовкой Основных Законов 1906 года. Поскольку ряд статей давал возможность различных интерпретаций принципов организации властного механизма, П. Е. Казанский и Л. А. Тихомиров предлагали внести определенные изменения в законодательство о власти. Внимание в этом отношении привлекала 87-я статья Основных законов, которая позволяла Совету министров «во время прекращения занятий Государственной думы» и при чрезвычайных обстоятельствах представлять законодательные акты непосредственно на утверждение царю, превращая их тем самым в чрезвычайные указы Верховной власти. По мнению П. Е. Казанского, достаточно было расширить право императора принимать решения законодательного характера, чтобы снять ограничения, которые налагала 87-я статья.

Л. А. Тихомиров призывал к более основательному пересмотру Основных Законов. Первоначально он предлагал закрепить за Государственным советом, переименованным в Законодательный совет, приоритет в законотворческой деятельности. После рассмотрения законопроектов в Совете они поступали бы к императору. В таком случае Государственная дума, переименованная в Народную думу, стала бы, прежде всего, средством связи между монархом и населением. Она сохранила бы право законодательной инициативы и запросов к администрации, однако порядок ее формирования и работы надлежало основательно скорректировать. Депутаты должны были избираться от отдельных групп населения, а вместо длитель-

ных ежегодных сессий предлагалось проводить всего одну – раз в три года, продолжительностью в три-четыре месяца. В чрезвычайных случаях мог созываться Земский собор, в состав которого вошли бы Законодательный совет, Народная дума, министры, носители высшей церковной власти, представители сословий и частные лица с особыми заслугами [16, с. 11–20].

Делая ставку в своих предложениях на умеренность, Л. А. Тихомиров перенес акцент на уточнение полномочий верховной власти, а не на перестройку системы представительства. В законодательство предстояло внести положение о том, что законодательная власть может осуществляться двумя путями, обычным и чрезвычайным. Первый предполагал участие в законодательстве Государственной думы и Государственного совета, второй – принятие законов высочайшими повелениями. Л. А. Тихомиров рекомендовал наделить императора правом принимать любое законодательное предположение, сняв ограничения, предусмотренные 87-й статьей [17, с. 258].

Таким образом, авторы консервативных проектов и предложений предлагали путь мирного, эволюционного, ненасильственного приспособления, а если требовалось, то и тактического реформирования монархической формы правления в условиях меняющейся социально-исторической ситуации. Незыблемым при этом оставался один императив – абсолютное верховенство власти самодержца. Изменявшиеся обстоятельства требовали изменить механизм взаимоотношений монарха и народа. Для этого в первую очередь надо было очистить этот механизм от бюрократических наслоений. Главное же в том, что оценивая самодержавие как наилучшую форму верховной власти, консерваторы считали, что в новых условиях единовластию более чем любой иной форме правления требуется понимание и поддержка народа. Они рассматривали самодержца как представителя всей нации и главного защитника ее «идеала». В их понимании народное представительство выполняло функции механизма, связующего государство с различными сословиями. Это давало реальную возможность сближения нации и верховной власти, предотвращения порабощения царя и народа бюрократией, не позволяя в то же время выборным представителям узурпировать полноту власти. В конечном итоге российские консерваторы делали ставку на использование неисчерпанного потенциала государственно-властного ресурса.

1. Грингмут В. А. История народовластия. – М., 1908. – С. 26–73.
2. Грингмут В. А. Собр. статей. Вып. 4. – М., 1910. – С. 362–391.
3. Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. – Одесса : Изд-во: «Техник», 1913. – С. 4–28.
4. Карцев А. С. Русский консерватизм: модель непарламентского представительства [Текст] / А. С. Карцев // Полис. – 2006. – № 4. – С. 161.
5. Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. – Пермь : Изд-во: «Пермский университет», 2001. – 211 с.
6. Меньшиков М. О. Государственный скандал // Письма к ближним. – 1909. – № 3. – 214 с.
7. Меньшиков М. О. Третья культура [Текст] / М. О. Меньшиков // Нация и империя в русской мысли начала XX века. – М., 2004. – С. 42.
8. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. – 1910. – № 6. – С. 14.
9. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. – 1911. – № 15. – С. 15.
10. Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. – 1911. – № 30. – С. 13.
11. Московские ведомости. – 1912. – 28 сентября. – С. 9.
12. Пасхалов К. Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Март 1905 – Август. – М. : Университетская типография, 1906. – Т. 1. – 303 с.
13. Пасхалов К. Н. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. – М. : Печатня А. Снегиревой, 1910. – 70 с.
14. Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. – М. : Изд-во: «Алгоритм», 2008. – 720 с.
15. Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). – М. : Изд-во: «Готика», 2006. – 424 с.
16. Тихомиров Л. А. Самодержавие и народное представительство. – М., 1907. – С. 6–22.
17. Тихомиров Л. А. К реформе обновленной России (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.). – М.: Типография В. М. Саблина, 1912. – 343 с.
18. Шарапов С. Ф. Россия будущего (Третье издание «Опыта Русской политической программы»). – М., 1905. – С. 9.
19. Шарапов С. Ф. Русские исторические начала и их современное положение. – М., 1908. С. 3–4.
20. Щербатов А. Г. Обновленная Россия. М., 1908. 84 с.